Лёва.

Маленькая деревня Кобелиха, Костромской губ., ютилась на берегу небольшой рѣчки, носящей названіе Парши. Дома въ деревнѣ были построены по одной сторонѣ, а по другой росли громадныя ивы, отчего лѣтомъ деревня представляла изъ себя красивый видъ. Нѣкоторые изъ домовъ были покрыты желѣзомъ, другіе гонтомъ или дранью и немногіе соломой. Почти всѣ молодыя силы деревни уходили на ближнія фабрики, гдѣ хорошо зарабатывали, а старики, отцы и матери, оставались для дома, для веденія крестьянскаго хозяйства и присмотра за малыми ребятишками. Жилось крестьянамъ сравнительно хорошо, ибо большой нужды они въ чемъ-либо не имѣли.

Въ одномъ изъ домовъ, покрытомъ соломой, жилъ охотникъ Леонтій Тегинъ. Но если бы его кто-нибудь окликнулъ этимъ именемъ, то онъ, пожалуй бы, не обратилъ никакого вниманія. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ окружности, на далекомъ разстояніи, Тегина всѣ знали и всѣ звали Лёвомъ. Съ какихъ поръ стали звать его этимъ именемъ ни онъ и никто этого не помнитъ.

Въ настоящее время Лёвѣ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Лицо у Лёвы выражало доброту и въ дѣйствительности онъ ни съ кѣмъ не спорилъ и на крестьянскихъ сходкахъ всегда во всемъ соглашался, ибо онъ интересовался одной охотой, а остальное для него было какъ-то далеко и, туманно.

Лёва имѣлъ жену, взрослую дочь дѣвицу, которая работала на фабрикѣ, и еще двухъ малолѣтнихъ дѣтей: маль-

чишку и дѣвчонку. Лёва представлялъ изъ себя рѣдкій типъ фанатика-охотника по зайцамъ. Къ пернатой дичи онъ относился съ презрѣніемъ и всегда надъ такими охотниками посмѣивался. Страсть къ охотѣ у Лёвы появилась съ юныхъ лѣтъ, и охоту онъ не могъ бросить до сихъ поръ. Ружье у него было шомпольное, двухстволка, существующее съ того же времени. Къ ружьямъ центральнаго боя онъ относился критически, высказывая знакомымъ ему охотникамъ о невозможности изъ нихъ стрѣлять на далекомъ разстояніи и многое другое.

Лёва захватилъ произвольно большую площадь лѣсовъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, считая себя хозяиномъ въ нихъ по отношенію зайцевъ. Всѣ это отлично знали и никто ему не запрещалъ охотиться. Его даже за это почему-то всѣ любили и относились къ нему, какъ къ истому охотнику, съ уваженіемъ, зная его, какъ человѣка смирнаго и добраго.

Но на охотѣ, въ лѣсу, Лёва былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: если забѣгала въ его районъ чужая гончая собака, то онъ ее убивалъ.

Хотя многіе намекали на то, что Лёва убиваетъ собакъ въ лѣсу, но этимъ дѣло и кончалось, ибо доказать никто не могъ.

Лёва охотился на зайцевъ круглый годъ, и почти каждый день, возвращаясь домой всегда, къ вечеру или ночью, если за дальнимъ разстояніемъ не успѣвалъ придти пораньше.

Уходилъ онъ на охоту до восхода солнца и никогда не бралъ съ собою никакой пищи, ибо уходилъ весь въ себя—въ охоту.

Въ лѣсу онъ зналъ всѣ заячьи тропы, каждый кустъ и дерево въ своемъ районѣ; туда другіе охотники изъ крестьянъ не ходили, зная, что Лёва на охотѣ дѣлался человѣкомъ свирѣпымъ, и поэтому боялись его. При встрѣчѣ съ ними Лёва говорилъ такъ: «Уходи, братъ, отсюда по добру по здорову. Ты знаешь, что я добрый и смирный человѣкъ, но здѣсь—извини, не ручаюсь за себя, и въ моихъ мѣстахъ зайцевъ не стрѣляй. Лѣсовъ много, туда и иди».

Года четыре прошло, какъ Лёва сталъ замѣчать и говорить другимъ, что зайцевъ почему-то становится все меньше и меньше. Но такъ какъ охота его опьяняла, то причинъ къ этому онъ не искалъ; а между тѣмъ онѣ были ясны: онъ охотился въ извѣстномъ районѣ, отчего зайцы постепенно убывали; а за его райономъ охотниковъ съ каждымъ годомъ увеличивалось все больше и больше. Эти охотники были, главнымъ образомъ, фабричные рабочіе, которые приходили домой въ деревню на каждый праздникъ и охотились ради развлеченія, или скорѣе шатались по лѣсамъ и стрѣляли, во что попало. Хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ и были охотничьи собаки, но онѣ пріобрѣтались ими за грошовую цѣну, какъ негодныя для хорошаго охотника, ибо имѣли разные пороки.

Въ полуверстѣ отъ деревни Кобелихи, на берегу той же рѣки Парши, живописно раскинулось маленькое село Зеленово, принадлежавшее прежде старинной дворянской фамиліи; теперь этимъ имѣніемъ владѣетъ крестьянинъ по фамиліи Бункинъ и его зять Астафьевъ. Деревянный, большихъ размѣровъ, старинный барскій домъ, окруженный столѣтними липами, и тутъ же рядомъ съ нимъ стоящая каменная церковь, построенная бывшимъ помѣщикомъ-дворяниномъ, сразу говорили за себя, за хорошее прошлое, плодотворное время, время, когда благородно-воспитанные дворяне умѣли жить и умѣли давать жить окружающимъ ихъ темнымъ массамъ. Прежде охота здѣсь была хорошая, потому что помѣщики за нею слѣдили, но когда имѣнія стали переходить къ «новымъ дворянамъ», какъ они теперь стали себя именовать, то и охота, и все, пошатнулось: безнравственность и беззаконіе среди крестьянства сразу обнаружились, ибо воспитатели ихъ явились изъ ихъ среды кулаки-капиталисты. Эти ех-дворяне вылавливаютъ хищническими способами рыбу въ маленькихъ рѣчкахъ, охотятся безъ билетовъ и не признаютъ срока охоты,—почему служатъ примѣромъ и для остального населенія, окружающаго ихъ.

Но довольно объ этомъ, ибо говорить все это слишкомъ грустно. Въ с. Зеленовѣ кромѣ того имѣется двух-

классное министерское училище, построенное на средства фабрикантши А. М. Красильщиковой. При этомъ училищѣ два учителя—оба охотники, съ которыми Лёва знакомъ и бываетъ у нихъ, но ходитъ онъ къ нимъ лишь по какому-нибудь охотничьему дѣлу: насчетъ займа пороху, собакъ и проч.

По первому снѣгу Лёва охотился безъ гончей, а въ остальное время всегда съ гончей. Собакъ этихъ онъ добывалъ у знакомыхъ ему въ окружности охотниковъ изъ крестьянъ, учителей и землевладѣльцевъ. Всѣхъ онъ отлично зналъ; а также зналъ, когда и гдѣ ощенится сука; какъ только щенята подростутъ, такъ Лёва является къ кому-нибудь и обращается съ просьбой:

— Я къ тебѣ за щенкомъ!

— Но вѣдь ты просишь не для себя, а для продажи?—спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, теперича буду держать у себя,—отвѣчаетъ Лёва.

— Скажи лучше по совѣсти, иначе не дамъ,—выпытываетъ учитель.

— Провались я на мѣстѣ—для себя!—увѣряетъ Лёва.

Далѣе разговоръ прекращается и Лёва получаетъ щенка.

Притащивъ домой щенка, Лёва прилагалъ заботу о дрессировкѣ. Сначала онъ старается пріучить щенка къ дому посредствомъ привязи на веревку. Потомъ начинаетъ ходить съ нимъ по своему полю, а затѣмъ уже ходить съ нимъ въ лѣсъ, гдѣ начинается, и кончается настоящая дрессировка.

Придя въ лѣсъ, Лёва начинаетъ бѣгать, натравляя глупаго еще пса на воображаемаго зайца, кричать на разные голоса и лаять по собачьи, подражая гончей. Такое неистовое оранье продолжается довольно долго, оглашая эхомъ лѣсъ на довольно значительное разстояніе. А молодая собака, испуганная дрессировщикомъ, лаяла въ это время поджавъ хвостъ или же убѣгала отъ него и скрывалась въ лѣсу. Тогда Лёвѣ приходилось искать собаку и манить ее къ себѣ ласкою. Бывали такіе щенки, которые

не поддавались на ласковый голосъ Лёвы и исчезали безслѣдно. Послѣднее обстоятельство для него было хуже всего, ибо собаку послѣ дрессировки онъ продавалъ съ барышомъ или мѣнялъ на другую.

Убитыхъ зайцевъ Лёва продавалъ лишь тогда, когда много ихъ набивалъ, а большею частью ѣлъ ихъ самъ со своею семьей.

Заячьи шкуры, по мѣрѣ накопленія ихъ, продавались имъ на ближнихъ базарахъ скупщикамъ.

Самое ужасное для Лёвы время—это лѣтняя пора, время полевыхъ работъ. Онъ дѣлается мрачный и неспособный къ труду; работаетъ больше жена. Но въ концѣ-концовъ съ работы онъ удираетъ въ лѣсъ.

Но вотъ Лёва является домой изъ лѣсу; жена встрѣчаетъ его съ руганью:

— Безстыдникъ, побойся Бога, время рабочее, а онъ въ лѣсу! Лёва молчитъ, а жена продолжаетъ:

— Кабы не дочь на фабрикѣ—ѣсть было бы нечего! Брось ты ихъ хоть на это время. Будь они прокляты, твои зайцы! Что молчишь, что башку повѣсилъ?

— А что мнѣ говорить?—тихо отвѣчаетъ Лёва.

— Брось, говорю, ходить за охотой!—возвышая голосъ, говоритъ жена.

— Не могу!—глухо отвѣчаетъ Лёва.

— Дьяволъ ты, а не человѣкъ!—уже громко кричитъ жена и уходитъ изъ избы, хлопнувъ дверью.

Подобныя ссоры съ женой у Лёвы происходили не рѣдко.

Въ послѣднее время Лёва сталъ всѣмъ говорить, что зайцы въ лѣсу всѣ перевелись и что онъ теперь не знаетъ, что ему дѣлать. Лицо его сдѣлалось мрачное, а состояніе духа удручающее; онъ весь какъ-то осунулся, опустился, сталъ задумчивъ и неразговорчивъ.

Въ такомъ состояніи Лёва недавно явился въ с. Зеленово къ одному изъ учителей.

— Я къ тебѣ, Никаноръ Андреевичъ!

— Что скажешь, Лёва?—ласково спросилъ учитель.

— Газету ты читаешь?—тихо спросилъ Лева.

— Читаю,—отвѣтилъ учитель.

— Будто пишутъ въ нихъ, что въ государственной думѣ вышелъ законъ, по коему крестьянинъ можетъ продавать свою землю?—продолжалъ Лёва.

— Да, въ думѣ объ этомъ уже рѣшено,—недоумѣвая отвѣчалъ учитель.

— Хочу я, Никандръ Андреевичъ, землю свою продать!—грустнымъ голосомъ заявилъ Лёва.

— Зачѣмъ?—удивленно спросилъ учитель.

— Да зайцы всѣ перевелись и плохо я себя безъ нихъ чувствую. А продамъ землю и уѣду туда, гдѣ ихъ, сказываютъ, много.

Лёва остановился и продолжалъ:

— Далече бы куда уѣхать... въ Сибирь бы што ли?..

Учитель сталъ доказывать несообразность плановъ Лёвы, но онъ остался при своемъ мнѣніи въ засѣвшей въ его голову мысли—продать и уѣхать.

Лёва ушелъ отъ учителя въ еще болѣе разстроенномъ состояніи духа.

Такой оригинальный человѣкъ Лёва, охотникъ-фанатикъ, или скорѣе истребитель зайцевъ.

Н. А. Костромской-Поспѣловъ.